3-й ГОД ИЗДАНИЯ

СМЕХАЧ

ГОСИЗДАТ

КНИГООБОРОТ

(На обертку, а не в народ!)

Рис. А. Радакова

В Москве, в Торговом Секторе Госиздата на вес, пудами, продаются книги на обертку. В том числе: т. Покровского „Русская История", т. Калинина „Речи и беседы с крестьянами", проф. Штейерта „О здоровом и больном дом. животном" и т. под.

В Вологде, в магазине Госиздата продается для той же цели — известный советск. букварь. („Правда")

— Кроме „Покровского", положьте пять пудов „Советского букваря", да посвежее...
— Вне конкуренции! — неразрезанный-с!

НОВОЕ И СТАРОЕ

(по Лермонтову)

Рис Н. Радлова

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко...

И верится,

И плачется,

И так легко, легко...

К СМЕРТИ ЭБЕРТА—КОММЕНТАРИИ

... Тоже, ведь, и умереть надо умеючи. Главное: во-время. Во благовремении. Чтобы ни слишком рано, ни слишком поздно. Поспешишь—людей насмешишь. А опоздаешь...

Вот, американский президент Гардинг. Его пример другим наука. Он подавился косточкой как-раз накануне нефтяного скандала. Накануне! И ушел в могилу незапятнанный,—благородно ушел.

А Эберт... ах, Эберт опоздал... Ну, чего бы ему умереть немножечко раньше, — ну, на месяц раньше, — на один только месяц. Тогда еще не был он обармачен публично, обармачен окончательно...

А раз опоздал на месяц—какой же смысл, вообще, умирать? Все равно пятна не смоешь!..

Эх-ма!..

На похоронах Эберта присутствовала полиция в двух видах: в естественном своем полицейском виде—и в переодетом, загримированном, инсценированном виде—под видом рабочих. Нельзя же и без рабочих,—сами понимаете...

Полицейские инсценировки в большой моде в Германии. На скамье подсудимых в Лейпциге, по делу о „германской ЧК",—кто на скамье подсудимых? И свидетели—кто свидетели? И все это „дело"—что за „дело"?

Ну, кому еще не ясно, что это—полицейская инсценировка!

Республиканского флага—ни одного республиканского флага не было на похоронах Эберта.

Семь лет лгали и лицемерили, размахивали республиканским флагом, говорили великолепные республиканские слова, всячески инсценировали республиканизм, кляня республику. А перед лицом смерти отступили. Испугались. Совесть заговорила. Лгать и лицемерить перед лицом смерти?! Нет!..

Эберт был большой, толстый, тучный, грузный человек,—лицо было у него бычье, тяжелое, взгляд упрямый, свинцовый. И все это—не зря. Все это—вроде как бы символ, ознаменование. Потому, что, ведь, Эберт был—столп, надежная опора, стена каменная. О, на него можно было положиться!..

Стиннес с Барматом,—не беспокойтесь,—знали, кто человек положительный и кто заслуживает доверия. Тоже с толком выбирали...

А сколько пива выпил на веку своем Эберт!

Социал-демократы, рядовые, шли за гробом чинно, важно, солидно, медлительно, торжественно, — как подобает случаю. Вообще, социал-демократы народ медлительный и важный.

А возвратившись с похорон, обсуждали медлительно и важно—покойника, и старые социал-демократы говорили—наставительно—молодым:

— Вот! Был простым кабатчиком, в белом фартуке за прилавком стоял, пиво разливал. А какую карьеру сделал!.. С банкирами якшался. Спекулянты не брезгали. Со стиннесовскими людьми—всегда за ручку... И все отчего? Оттого, что на рожон никогда не лез, был покладист, податлив... ладить умел...

А. Меньшой

ПОЛИТ-ПОГОДА НА НЕДЕЛЮ

(Экстренный бюллетень „Смехача")

ЕВРОПА

Жестокий Бармат Социал-демократической четверти по всей Германии.

Президентно в Берлине. Репарационно на Севере, Канаде, Юге и Востоке.

Сильное падение давления во Франции.

Эрриозно с франком.

Мильеранно в Париже и окрестностях.

По-прежнему—обильные фашистские осадки в Италии.

Возможная сухость на Британских Островах, при дальнейшем усилении благоприятных Профсоюзных течений.

АЗИЯ

Резкий Англо-Турецкий Чемберлен с Востока. Нефтяные испарения в районе Моссула. Проходящие Английские золотые доходы в Курдистане.

Султанно в части Малой Азии, Караханно в Китае и Японии. „Автономно" в Индии и Египте. Влажно и сыро по всей Территории.

АМЕРИКА

Свежо, но эс-эс-эс-ерно.

А Македонский

ТИБЕТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

(„О" вместо „А")

Раньше верноподданные говорили:
— Далай—Лама.
И он сидел на престоле.
А вдруг сказали:
— Долой Ламу!!!
Ничего не пропишешь слез!

О ШВЕЙНОЙ МАШИНКЕ

(Строчки, навеянные Днем Работницы)

Это, товарищи, бывало и раньше.
Об этом восторженно писали поэты.
Собирались банкирши, директорши, капитанши
И устраивали разные дамские комитеты.
И, истратив четыре вечера втуне,
Напившись чаю и посплетничав под сурдинку,
Покупали одной единственной Дуне
Одну единственную швейную машинку.
Дуня голодала, отчаявалась понемногу
И кончала панелью... Ясно, как папироса!
Это шло под лозунгом: „Женщине—дорогу!"
И считалось решением женского вопроса.
Пришла революция. Восстал брат на брата.
Зингер пал жертвой на-ци-о-на-ли-за-ци-и.
И казалось, что мы сошли без возврата
С правильного пути женской эмансипации.
Мы увлеклись строительством нового быта,
Не создавая теорий и не критикуя строго,
И вдруг заметили: да ведь она пробита
Новой женщине новая дорога!
Так пробита, что можно подводить и итоги:
Ясен факт и вывод поразительно ярок...
Поглядите: по этой новой дороге
Идут уже многие тысячи пролетарок!

„Женщину нельзя отделить от ребенка,
Чтоб инстинкты материнства в ней не угасли..."
Мы не мудрствовали над этим философски тонко
А построили дома, очаги и ясли.
„Женщину от кухни нельзя оторвать круто;
На ней забота о поколеньях здоровых..."
Мы не плакали над прахом семейного уюта,
А построили сеть рабочих столовых.
„Женщине пора поднять вверх свои взоры..."
Мы на лирику—слов понапрасну не тратили
И смотрите: у нас - женщины-ревизоры,
Мастера, директоры, секретари, председатели!

— „Как?—воскликнет Европа.—Но ведь это бесчинство!
Обращение храма в торгашеский рынок!
Вы отрицаете изучение „трагедии материнства"
И пользу приобретения швейных машинок?
А традиции культуры? А преемственность идеи?
А апостолы, освятившие женское движение?
Да вы, просто, неучи! Да вы, просто, злодеи!
Да вы... вы коммунисты, извините за выражение!
Вам может поверить безмозглая деревенщина,
Сменившая лапти на стоптанные ботинки—
Но уж, конечно, ни одна передовая женщина
Не захочет эмансипироваться без швейной машинки!"

Я думал об этом и иных возражениях
Во время доклада о наших достижениях.
А вокруг гудели работницы краснолицые—
Опровергая теории и нарушая традиции...

А. д'Актиль

ПОДХОД

(В магазине готового платья)

— Сколько стоит этот костюм?

— 60 рублей, но вам, как фининспектору нашего участка, сделаем скидку.

— А сколько скинете?

— 60 рублей.

„ДВОЙНАЯ НАГРУЗКА"

Недавно в „Рабочей Газете" была напечатана заметка о том, чтобы каждое жилищное товарищество взяло на свое воспитание одного беспризорника. Вопрос ставился на обсуждение.

Ни одно жилтоварищество не высказало своего мнения на страницах „Рабочей Газеты".

Почему?

Рис Г. Эфроса

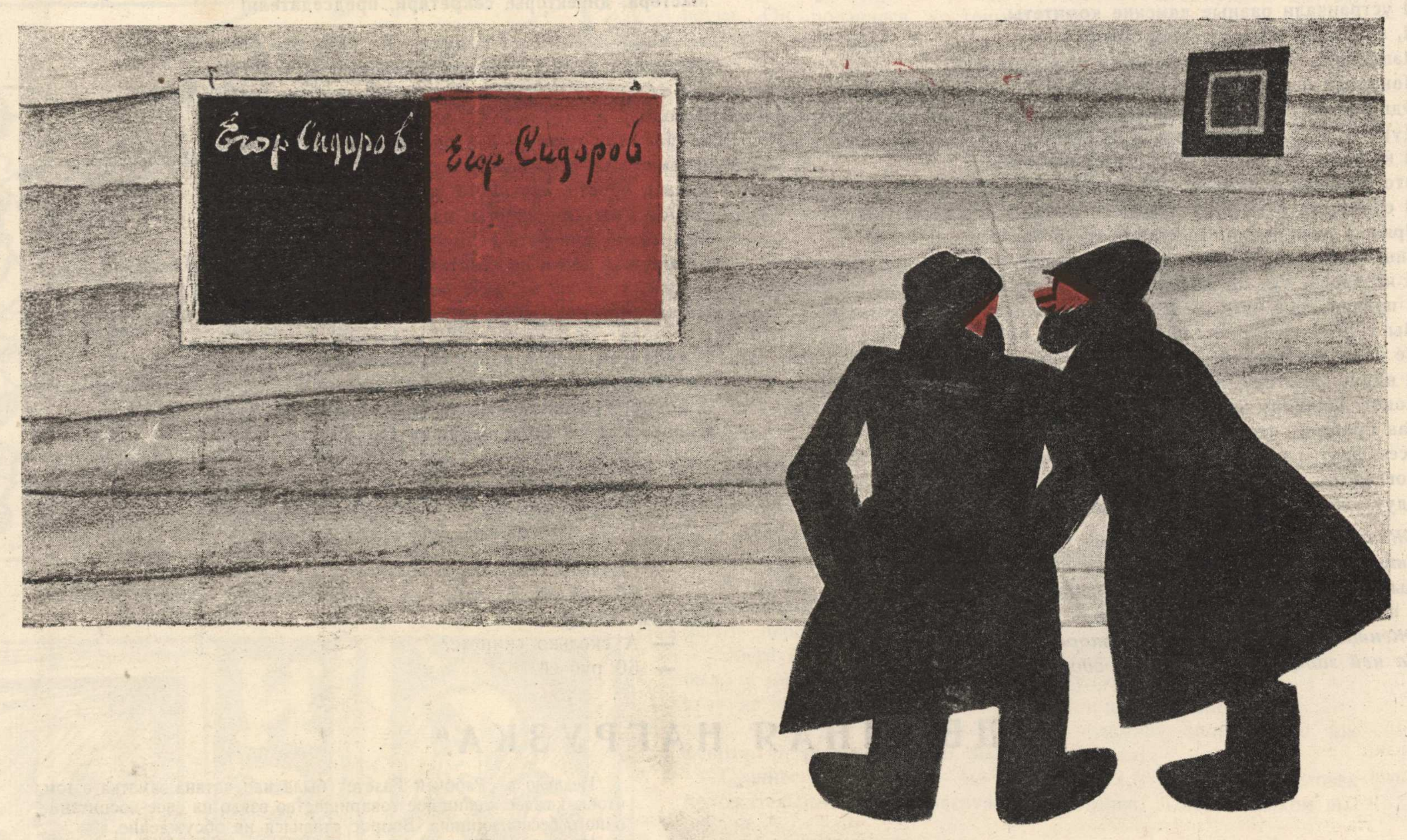

Управдом: Два беспризорных на мою голову: окроме дома, и ты еще! Ну? Чего хнычешь? Говорю,—молчи! Заткни лопнувший водопровод!

„ВО ЗДРАВИЕ—И ЗА УПОКОЙ“

Докладчик порекомендовал избачам завести красные и черные доски, для занесения на первую из них имен крестьян прилежных и хорошего поведения, а на вторую—ленивых и плохого поведения.
(Из отчета)

Рис. Л. Бродаты

— Егор, ты чего это на обе доски-то попал: на черную, и на красную?
— А очень просто. Поведение у меня тихое, а лентяй, сказывают, я большой, вот и самоопределили.

СТОЛИЧНАЯ ШТУЧКА

В селе „Усачи“ Калужской губернии на днях состоялись перевыборы председателя.

Городской товарищ Ведерников, посланный ячейкой в подшефное село, стоял на свежеструганных бревнах и говорил собранию:

— Международное положение, граждане, яснее ясного.

Задерживаться на этом не приходится. Перейдем поэтому к текущему моменту дня, к выбору председателя, заместо Костылева Ивана... Этот паразит не может быть облечен всей полнотой государственной власти, а потому сменяется...

Представитель сельской бедноты, мужик Бобров, Михайло Васильевич, стоял на бревнах подле городского товарища и, крайне беспокоясь, что городские слова мало доступны пониманию крестьян, тут же по доброй своей охоте разъяснял неясный смысл речи.

— Одним словом, — сказал Бобров, — этот паразит, распроязви его душу—Костылев, Иван Максимыч, не могит быть облегчен и потому сменяется...

— И заместо указанного Ивана Костылева,—продолжал городской оратор,—предлагается избрать человека, потому как нам паразитов ненадобно.

— И замест паразита, — пояснил Бобров,—и этого самогонщика, язви его душу, хоша он мне и родственник со стороне жене, предлагается изменить и наметить.

— Предлагается,—сказал городской товарищ,—выставить кандидатуру лиц.

Михайло Бобров скинул с себя, от полноты чувств, шапку и сделал широкий жест, приглашая немедленно выставить кандидатуру лиц.

Общество молчало.

— Разве Быкина, что ли? Или Еремея Ивановича Секина? А?—несмело спросил кто-то.

— Так,—сказал городской товарищ,—Быкин... Запишем.

— Чичас запишем,—пояснил Бобров.

Толпа, молчавшая до сего момента, принялась страшным образом галдеть и выкрикивать имена, требуя немедленно возводить своих кандидатов в должность председателя.

— Быкина Васю! Еремей Ивановича Секина! Миколаева!..

Городской товарищ Ведерников записывал имена на своем мандате.

— Братцы!—закричал кто-то—Это не выбор—Секин и Николаев...

Надоть передовых выбирать... Которые настоящие в полной мере... Которые, может, в городе поднаторели—вот каких надоть... Чтоб все насквозь знали.

— Верно!—закричали в толпе.—Передовых надоть... Кругом так выбирают...

— Тенденция правильная, — сказал городской товарищ.—Намечайте кандидатов.

В обществе произошла заминка.

— Разве Коновалова, Лешку?—Несмело сказал кто-то.—Он и есть только один приехадши с городу. Он это столичная штучка.

— Лешку!—закричали в толпе.—Выходи, Лешка! Говори обществу.

Лешка Коновалов протискался через толпу, вышел к бревнам и, польщенный всеобщим вниманием, поклонился по городскому, прижимая руку к сердцу.

— Говори, Лешка!—закричали в толпе.

— Что-ж,—несколько конфузясь сказал Лешка.—Меня выбирать можно.

— Секин или тот Миколаев разве это выбор? Это же деревня, гольтепа. А я два года, может, в городе терся... Меня можно выбирать...

— Говори, Лешка! Докладай обществу!—снова закричала толпа.

— Говорить можно, —сказал Лешка.—Отчего ето не говорить, когда я все знаю... Декрет знаю или какое там распоряжение и примечание. Или, например, кодекс... Все это знаю. Два года, может, терся... Бывало, сижу в камере, а к тебе бегуть. Разъясни, дескать, Леша, какое это примечание из декрета...

— Какая это камера-то? — спросили в толпе.

— Камера-то?—сказал Лешка.—Да 14 камера. В крестах сидели...

— Ну!?—удивилось общество.—За что-ж ты, парень, в тюрьмах-то сидел?

Лешка смутился и растерянно взглянул на толпу.

— Самая малость,—неопределенно сказал Лешка.

— Политика, или слямзил что-ли?

— Политика,—сказал Лешка.—Слямзил самую малость...

Лешка махнул рукой и сконфуженно смылся в толпу.

Городской товарищ Ведерников, поговорив о новых тенденциях избирать поднаторевших в городе товарищей, предложил голосовать за Еремея Секина.

Михайло Бобров, представитель бедняцкого элемента, разъяснил смысл этих слов, и Еремей Секин был единогласно избран при одном воздержавшемся.

Воздержавшийся был Лешка Коновалов. Ему не по душе была деревенская голытьба.

Мих. Зощенко

ГИБЕЛЬ МИРА

В Москве и Ленинграде популярно-научные лекции об изменении климата были рекламированы афишами, несоответствующими содержанию лекций.

Человек я в некотором смысле культурный и даже подвергался политическим преследованиям от правительства Керенского за буйство якобы в пьяном виде, что есть ложь и клевета, потому что начали пить вместе со старшим дворником, а за чужую политуру и кручение от нее в отравивших мозгах и прочих конечностях организма не отвечаю.

Это пущай разбираются доктора и всякие изобретатели, которые за это деньги получают. Но ближе к делу.

Начну с того фактического факта, что с детства имею большую склонность к богословию и прочимм сверхъестественным наукам, почему и обратил свое научное внимание на афишу „Гибель земли“.

Упреждаю, чтобы не слушали никаких прямых и косых улик со стороны рыбника Степана Прокофьева, особенно в рассуждение миног. Миноги, правда, были—не отрицаю, и пиво было—не отрицаю; но, в смысле качания или выскочивших из внутренних органов через горловые отверстия миног, заявляю, что это обыкновенное отравление продуктами, о чем ежедневно каждый культурный гражданин обоего пола может прочесть в газетах. Помимо всего, теи миноги по своей наружной личности очень напоминают ненормальных больших червяков, что, известно, побуждает. Но опять таки, ближе к делу, как есть в газетах нот.

Начну с того окончательного факта, что, как сейчас помню, поставил я Степана Прокофьева в оперѣшем виде у неизвестных ворот и вошел, где горели лампы и от их шло сияние, как от месяца в морозную ночь. А когда моргал,—пропадало. Несмотря на такой ослепительный свет, до начатия лекции оставалось более или менее час. Тогда я стал читать афишу—„Гибель Земли“ и что луна в скорости упадет на землю.

Вышедши снова, я поглядел на луну, и она вся трепыхалась и прямо над башкой Степана Прокофьева, который сызнова занимался с миногами, не подозревая случившего ужаса.

Тогда я ему сказал:

— Степан Прокофьев, земля гибнет!..

На что он хотел заплакать, но не мог по причине тех же извергавших из него миног. А луна все трепыхала, как не знаю кто. Кроме того, она была над самыми голоnами, немного сбоку трубы.

Тогда я решил, что все равно пропадать и, взяв Степана Прокофьева, пошел в пивную, где почтенного вида старец рассказал нам, что к чему и отчего гибель. Другими словами, опосле евонной лекции, я оказался без кошелька.

Кошелька мне не было жалко, а было довольно совестно старику, который перед смертью взял ненужные в загробном мире деньги, хотя и твердой валюты. Но ближе к делу.

Не нашедши старика, мы пошли в лекцию, где мужчина объяснял палкой на доске насчет мокрой погоды, о чем и без его науки знаем по причине протухлости мяса, и были не раз оштрафованы за продажу. Я ж не вытерпел и написал в записке:— „Когда будит кытастрофа?“ Лектор отвечал:—„Через десять миллиардов лет“. После этого мне стало жалко кошелька, и я потребовал деньги за билет, говоря, что жулики.

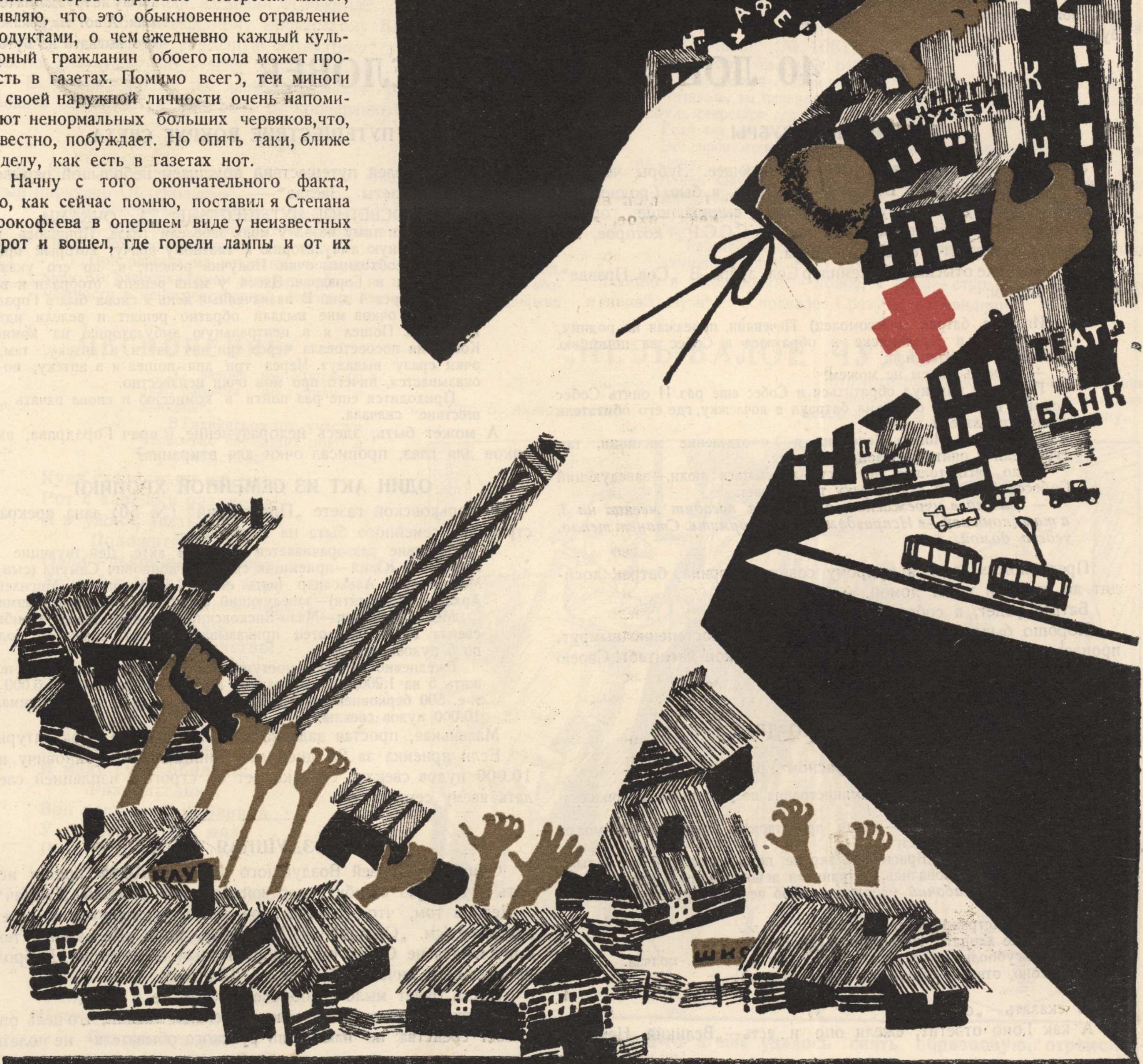
А когда меня вели в милицию, луна, всетаки, трепыхала.

Р. Волженин

ТЯГА НА МЕСТА

Рис. В. В.

Безработные врачи, отказывающиеся от назначения в деревню, снимаются с учета— *(Из газет)*

***Рвется** к деревне.*

„ЖЕНИХ“

— „В деревнях началась усиленная облава на самогонщиков. Часто агентов милиции принимают за женихов“. *(Селькор)*

Рис. Н. Р.

—Деш-шовый оригинальный химический фокус: как вогнать человека в бутылку...

Во полюшке метелица
Заносит все пути,
Метель и вьет и стелется,
Ни ехать, ни пройти.
Но кто это проселочком
Летит на вороной?—
По вехам да по елочкам,
Сугробом, стороной...
. . . .
Сидит семья за ужином,
Глава немного пьян,
Мечтает дочь о „суженом“,
Сын смотрит на таган...
Мать только что (с опаскою)—
Два штофа продала,
Ан, с новою „закваскою“
Поправятся дела...
Милиция?—помеха-ли?!—
Не страшно молодцу.
Чу! скрип... никак подъехали...
Не сваты-ли к крыльцу?
Конь у крылечка звякает,
Наборною уздой,
„Жених“ с мороза крякает,
Вошел, сверкнул звездой...
Взглянул он на таган и—в кут,
Нюхнул со всех сторон:
— А ну-ка, где припрятан тут
Кулацкий самогон?
Въявь? снится, или притчится?—
— „Мы ничего не знам!“
— Святая, мать владычица,—
Он лезет по углам!!!
Две четверти „подкрашенной“
Извлек на свет „жених“,
„Заводчик“ ошарашенный
Насупился, притих.
— Гнать самогон изволили?—
Кричит в упор „жених“,
И вот запротоколили
Сие при понятых.
— Штраф—сто. Впредь будет хуже вам!,—
И вышел впопыхах.
Мятель узорным кружевом
Сокрыла „жениха“...

Мих. Андреев

— Это что! —вогнать в бутылку не трудно: на то и химия. А вот ты покажи, как его выгнать из бутылки?!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ЧЕЛЯБИНСКИЕ ЗУБРЫ

Зубр—редкое животное, ныне вымирающее. Зубры четвероногие остались только в Беловежской Пуще, в быв. Гродненской губернии (Литва). Сов. зубры двуногие, вымирающие, гораздо медленнее, водятся на всем пространстве С.С.С.Р., которое, как известно, составляет $^1/_6$ земного шара.

В Челябинске отыскался экземпляр Сов. зубра. В „Сов. Правде“. (№ 49) читаем:

> Инвалид батрак (комсомолец) Печенкин, проезжая на родину, остановился в Челябинске и обратился в Собес за помощью. В Собесе ему ответили:
>
> — Помочь ничем не можем.
>
> Печенкин рискнул обратиться в Собес еще раз. И опять Собес помощи не дал, а отправил батрака в ночлежку, где его обитатели ночлежки раздели донага.
>
> Что делать? Пошел Печенкин в 1-е отделение милиции, там его одели и опять направили в Собес.
>
> И до чего только не могут додуматься люди,—заведующий Собесом Шиврин дал батраку такой совет:
>
> — *Разбей в учреждении окно, тебя посадят месяца на 3, а там (понимай—в Исправдоме) будут кормить. Станет тепло, уедешь домой.*

Предположим, следуя мудрому совету Шиврина, батрак досидит до весны и уедет домой. А что толку?

Батрак уедет, а собесский зубр останется.

Хорошо было бы, не ожидая пока зубры постепенно вымрут, произвести сокращенье зубров во всероссийском масштабе! Своею собственной рукой!

УРАЛЬСКАЯ КИНО-ДРАМА

Горько плачет зритель в „Красном Урале“ (№ 44):—

> В кино Современном администрация не разрешает рукоплесканий в зрительном зале.
>
> Иногда на экране—вожди пролетариата, как рабочий может удержаться от приветствия?
>
> Шла картина „Враги“, на экране показывают: рабочие в тылу у белых организовались, устраивали демонстрации и проч.
>
> Да разве *рабочий* удержится, чтоб не поприветствовать своего товарища?!
>
> Администрация кино кричит:
>
> — Не хлопать! Нельзя, вам говорят!
>
> Завгубполитпросвета, кажись, сидел в зале и... молчал.
>
> Гоно, ответь—откуда такая инструкция?
>
> *А.*

Легко сказать—„ответь“.

А как Гоно ответит, ежели оно и есть—„Великий Немой“?

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА

Для любителей путешествий помещаем небольшой отрывок из белорусской газеты „Звезда“—

> „КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ“ ЗА... ОЧКАМИ.
>
> 4 недели тому назад у меня заболели глаза. Пришлось пойти в центральную амбулаторию к глазному врачу, который признал, что мне необходимы очки. Получив рецепт, я, по его указанию, направился в Горздрав. Здесь у меня рецепт отобрали и велели придти через 4 дня. В назначенный день я снова был в Горздраве, но вместо очков мне выдали обратно рецепт и велели идти на комиссию. Пошел я в центральную амбулаторию на комиссию. Комиссия посоветовала через три дня зайти в аптеку, там, мол, очки сразу выдадут. Через три дня пошел я в аптеку, но там, оказывается, ничего про мои очки неизвестно.
>
> Приходится еще раз пойти в комиссию и снова начать „путешествие“ сначала.

А может быть, здесь недоразумение, и врач Горздрава, вместо очков для глаз, прописал очки для втирания?

ОДИН АКТ ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

В Харьковской газете „Пролетарий“ (№ 50) дана прекрасная страничка семейного быта на Украине:—

> Действие разворачивается в одном акте. Действующие лица: Рабинович Юлий—приемщик свеклы, Рабинович Самуил (сын его), Могилевский Александр (зять его) — весовщик и Могилевский Аркадий (брат зятя)—заведующий крестьянскими плантациями.
>
> Место действия—Мало-Висковский сахарный завод. Прибывает свекла. Рабинович отец приказывает снимать с каждой подводы по 5 пудов свеклы.
>
> Ежедневно на завод поступает до 1.200 подвод. Ежели помножить 5 на 1.200, то мы получим внушительную цифру в 6.000 пуд., т.-е. 500 берковцев свеклы. Приемка в 20 дней дает (минимально) 10.000 пудов свеклы.

Маленькая, простая задачка для Харьковской прокуратуры:

Если приемка за 20 дней дает минимально Рабиновичу и К° 10.000 пудов свеклы, сколько лет со строгой изоляцией следует дать всему семейству?

ВОЗДУШНАЯ ТЕМА

Общество Друзей Воздушного Флота (ОДВФ) просит исправить случайную ошибку, жертвой которой сделался „Смехач“.

Дело в том, что „специальное мыло, упомянутое в газетном эпиграфе (см. „Смехач“ № 5, стр. 8, рис. „Воздушная тема“), выпускается не ОДВФ'ом, а акционерным обществом „Добролет“, не имеющим ничего общего с ОДВФ'ом.

Пусть будет мыло „Добролет“. Суть не в этом.

„Смехач“ остается при своем прежнем мнении, что цель оправдывает средства: не намылишь русского обывателя—не полетишь!

ЦЕННЫЙ СОВЕТ

дает товарищам - железнодорожникам рабкор Харьковского „Пролетария“ (№ 50):—

Обязательно проглоти аршин, то-есть вытянись в струнку—руки по швам, каблуки вместе, носки врозь, голову выше—закаменей как статуй.

Потом командуй сам себе:

— Шагом арш... Лле-е-вой!

И тогда только шагай в кабинет *началька 2-го уч. Харьков—Южных*. В противном случае, а именно без глотания сего неудобоваримого аршина...

— Ты, отчеканит начальство, ты—закоснелый активный правонарушитель трррудовой дисциплины и прррлетарского порядка, черррт возьми тебе совсем. Убирайся вон.

Следовало бы начальству этого начальства воспользоваться ценным указанием рабкора и, вытянув начальника 2-го участка Харьков—Южных в струнку, каблуки вместе, руки по швам, носки врозь,—скомандовать:

— Со-кра-тись! Шагом - арш!!!

КНИГА ДЕРЕВНЕ!

Этот важнейший лозунг дня хорошо усвоен на Полтавщине. В Кременчугской газете „Наш Путь“ читаем корреспонденцию:—

„ Едем в Броварки.

Заходим в кооператив.

Дела незавидны. За несколько часов до нашего приезда были какие-то „представители ВУЦИК'а“, которые, *угрожая мандатами*, заставили купить на 25 руб. литературы.

Сами литературы не выбирали, потому что малограмотны.

Продавцы литературы наградили наших кооператоров „*Диалектическим материализмом*“, „*Вестником социалистич. академии*“ и другой библиографией.

Хорошо еще, что угрожали только мандатами. А что бы случилось, если бы стали наганами угрожать??

Пришлось бы несчастному Броварскому ЕПО весь паевой капитал „Во введение в высшую математику“ ухлопать или в „Известия Главмузея“ по отделу „Нумизматики“.

Если дело пойдет так дальше, „Смехач“ решил скоро организовать общество-„Руки прочь от кооперации“.

—20°

В „Ижевской Правде“ (№ 45) читаем следующий изумительный циркуляр Обисполкома:—

На основании циркуляра Наркомтруда, от 13/XII—1923 г. за № 189, о работах на открытом воздухе в холодное время года, Обисполком постанавляет:

1. При работах на открытом воздухе в холодное время года, чьим бы распоряжением таковые работы не производились, по возможности в непосредственной близости от места работы должно быть устроено или отведено специальное помещение для обогревания работающих, причем температура в этом помещении должна быть +12° (градусов) С.

Примечание 1. Вотобласть относится к северной части РСФСР, и *холодным временем в ней считается - температура воздуха ниже*—20° С, а особо холодным—температура ниже—25° С.

Работают Ижевцы на открытом воздухе, коченеют у Ижевцев руки и ноги, а обогреться нельзя, потому—мороз не по норме—19°, а по Вотской области такой холод за холод не считается.

Недаром, эта примечательная страна называется:—Вот область! Все на нее пальцами показывают.

ЕЩЕ О ТИФЛИСЕ

В Венеции существует Мост Вздохов, в Ленинграде существовал Поцелуев мост, но в то время, как, эти названия — жалкие пережитки старины, существующий в Тифлисе Нахаловский мост оправдывает свое название и по сей день. „Раб. Правда“ сообщает в № 15 —

3 января, вечером, на Черкезовской ул. под Нахаловским мостом неизвестная женщина подняла отчаянный крик. Туда кинулись и задержали управделами Всегрузино, Ивана Захарьевича Хомерики. Когда его доставили вместе с женщиной, в комиссариат, выяснилось следующее:

Гр. Хомерики, после изрядного кутежа со своим сослуживцем, Георгием Дурглишвили, шел по Черкезовской улице. Ему очень захотелось „познакомиться“ с какой нибудь женщиной. И он увидев женщину, последовал за нею, схватил ее. Женщина стала кричать о помощи и упала на мостовую.

Предостерегаем читателя от скоропалительных выводов: из-за того, что еще один управделами Всегрузинского Кооператива нагрузился, не следует, что кооперация на местах работает с полной нагрузкой.

СТАРО-НОВЫЙ БЫТ

Странную смычку старого и нового быта находим в Ростовской газете „Молот“ (№ 1061):—

— Здрасте, товарищи, рабочие!

— Здравствуй господин секретарь... (Это—ячейки РКП (б)!...).

Читатель, ты наверное думаешь, что это приветствуют какого-нибудь секретаря где-нибудь в Англии или Германии.

Если так, то ты жестоко ошибаешься!

Это происходит в подвале винoделия „Конкордия“, в Ростове на Дону.

В нем заправляют администраторы-немцы: *Бек Функ, Краузен и Штальбах*. Они запрещают называть их „товарищами“.

— Пошель к тшорту!... Я — геер — господин, а нэ тофариш,— говорят они.

Рабочие, чтобы не ошибиться, называют „герами“ не только администраторов, но и друг друга.

Вино в „Конкордии“—новое, а меха—старые, гнилые. Потому и держатся, что—в подвале. Сразу и не увидишь.

„ПЕСНОПЕНИЕ“

„С завода им. Урицкого два рабочих поступили в дьякона“.

„В Тихвинском тех.-участке несколько служащих поют в хоре монастыря“.

Куда глазком ни кинешь,
Рот с варежку разинешь
И в ужасе застынешь
Положительно!
Один—дьячком в соборе,
Другой в церковном хоре
Чу! тянет „в Чермнем море“...
Оглушительно.
Ну, прямо совершенство!
Не люди, а блаженство—
Святое духовенство...
Удивительно!
И в церковь ходят сильно,
И молятся умильно,
И мзду суют обильно...
Разорительно.
Вон наш завком Вавила
У „Спаса“ очень мило
Разводит сам кадило
Всерачительно.
А слесарь, батьки вроде,
При всем честном народе
Пел „Взбранной воеводе
Победительная“.
А токарь Митрич часом
С глухим дьячком Тарасом
Поет обедню басом
Сокрушительно.

Е. Симб—ий

„НЕБЫВАЛОЕ ЧУДО“

Рис. Б. Антоновского

Строительный Комитет устраивает в одном из больших зал Дворца Труда модель образцовой квартиры в натуральную величину.

— Эх, наконец-то и мне удалось снять образцовую, отремонтированную квартиру!

МОРДОБОЙЦЫ и МОРДОБИТЫЕ

Рис. А. Юнгера

Беги на свет. Бери билет.
Садись, уставив взор в экран:—
. . . .
Красавица в расцвете лет.
Пред ней—офраченный баран.

В оркестре—вальсик „О Прентан".
Вступите в брак!—рыдает фрак—
Меня пьянит любовный мак!..
Дурак—
Не знает, что в углу,
Чуть приоткрыв завесы край,
Стоит возлюбленный Лулу—
Иссине бритый
негодяй.

Ай, Ай!
Один прыжок—
Под потолок
Подпрыгнул фрак,
Забыв про брак...

В оркестре—медь, фагот, гобой,
Под трехминутный мордобой
Избитый фрак ушел во мрак,

А негодяй вступает в брак.
В оркестре—хор скрипичных квинт.
О, жизнь, коварный лабиринт!..
В своем углу скорбит Лулу.

Потоки слез... Осколки грез...
Иди, мужчинам доверяй—
У ней уже—туберкулез,
А он—все тот же негодяй!
В оркестре—струнные вопят
Из Риголетт и Травиат.
Курорт... Купанья... И залив...

Здесь слышит фрак ея призыв.
Прощай, отель. Алло? Мотор!

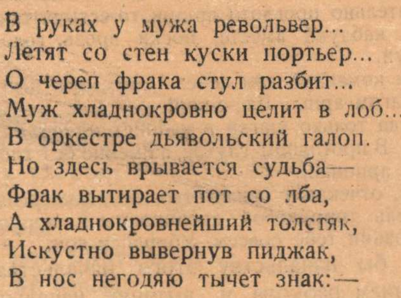

Вагон. Купэ. Поля. Простор.
В оркестре—Григ. Бетховен. Бах.
У жертвы—пена на губах,
Но нет, Лулу, ты не умрешь!
О, миг грядущих, ярых драк!..
Любовь примерная—не ложь—
Сцепились: муж и честный фрак.

В оркестре—медь, фагот, гобой,
Под безупречный мордобой.
Лулу кричит, Лулу вопит:

В руках у мужа револьвер...
Летят со стен куски портьер...
О череп фрака стул разбит...
Муж хладнокровно целит в лоб...
В оркестре дьявольский галоп.
Но здесь врывается судьба—
Фрак вытирает пот со лба,
А хладнокровнейший толстяк,
Искустно вывернув пиджак,
В нос негодяю тычет знак:—

— За вами—сотня темных дел!
Муж моментально обалдел,
И полицейский котелок
Его в кутузку поволок.

Красавица в расцвете лет
(Туберкулез сошел на нет),
Вступив на долгожданный путь,

Ко фраку падает на грудь.
В оркестре—гимн в честь двух сер-
дец.
Фрак вступит в брак, а муж—под-
лец.

—

Читатель, истину разжуй,
Ты—пролетарий, не буржуй,
Свое молчание нарушь,
Мне разобраться помоги:—
Ужели стоит эту чушь
Вливать в рабочие мозги?

Александр Флит

ГРЕХИ НАШИ ТЯЖКИЕ!

„В Переяславском заводе зарплату выдали фуфайками, полушубками и пр. по 16 р. Рабочим низших разрядов приходится соединяться по 5 - 6 чел. для получения более крупной вещи".

„Путь"

Ждала Васю за избой—
Хвать!—надула губки:
Милый сам—седьмой пришел
В общем полушубке.

Не пойду сегодня в баню,
Неча тело обмывать,
Все равно рубаху Ване
Надо вечером давать.

Я—мужик, Палаша—баба,
А чулки артельные,
Та на речку, я на печку...
Факты канительные!

Накачали нам назолу,
Ходит кругом голова:
Мне карман, Ильюшке—полу,
Гришке—оба рукава...

Саша Машу покорил,
Распустивши клеши,
А за клеши я платил
Складеные гроши.

Слесарь Пров вчера уволен,
Это дело полный мат:
Раздирать придется на-два
Взятый вместе „дипломат".

Евг. Симб.

КРАПИВНИЦА

Сельские власти села Криницы, Тульчинского округа, устроили дикий „суд" над крестьянином и крестьянкой, обвинявшимися в „незаконном сожительстве". Обоих раздели до-гола и били мокрой крапивой.

(Из газет.)

Рис. Б. Антоновского

— А золовка Марья не приехадши, потому ей ни сесть, ни встать. Крапивница.
— Это откуда ж болесть такая?
— Зачем болесть? Обнаковенно—крапивой в сельсовете высекли.

САТАНА

Как-то дядя мой, который на хуторе живет, Ермил Федотыч, говорит мне:

— А не хочешь-ли, Ванюха, со мной в Питер?

Я выправил название на Ленинград и отвечаю:

— Можно.

Вот приезжаем в бывшую красную столицу—трое суток ехали—продали два воза дровишек и, по окончании делов, пошли в трактир на Сенную чайку испить. Во время чаю — горькой русской бутылочку раздавить пришлось с устатку. Дядя пожелал еще:

— Слабая, говорит, очень—тридцать градусов, а вот ежели вторую бутылку перелить в нутро, итого шестьдесят градусов будет. Тогда до деревни можно терпеть.—Дядя у меня Ермил Федотыч, надо признаться—умный.

И вот, значит, поехали мы домой. После многочисленных градусов нам стало весело смотреть на народ и на дома.

Дома всё высокие и крашеные—что надо. И в домах хоят жители, а внизу торгуют. Так бы и расцеловал всех взасос—очень приятные жители. Конечно за стенами их не видать, а представляется в мыслях. Трамваи тоже шмыгают фасонисто, побрякивают—вроде пляса: тра-та-та, тра-та-та, а как нас завидят, подают веселые звонки, и кондукторша красным флагом машет. Милицейский тоже ласково сказал:

— Что вы, дьяволы, на людей прёте!—сказал он, а сам улыбнулся, вроде как земляк.

Только мы на бывший Невский—у гостинаго двора народ толпой. Дядя говорит:

— Жулика поймали, карманника.

— Нет, —говорю я,—тогда-бы он, благодаря избитию, орал.

А дядя:

— Нешто не слышишь? Чу!

Слезли мы с дровней, задрали головы — глядь—труба торчит из под крыши, а из трубы человечий крик, будто разговор. Дядя наставил ухо, говорит:

— А ведь это наш Гаврюха зазывает покупателей, вот те Христос, Гаврюха, крестник мой. Он в Ленинграде в торговле служит.

Я говорю:

— Да, действительно, Гаврюхин голос, толстый.

Во все глаза глядим мы с дядей, Гаврюхи на крыше нет. А только голос.

Вот, говорит голос, пожалуйте к нам в трест, у нас шьют чего хочешь, очень приличные меха, брюки, штаны, всякое белье, подштанники. Знакомым, говорит, скидка с рассрочкой. Пожалуйте.

И адрес. Сказал, как пропечатал. Ах, ты—пёс!

Гаврюха! Эй, Гаврюха! Где ты?—дядя закричал.

И я:

— Гаврила Митрич! Выходи! Ну, высунь хоть свою головку! Ничего подобного—одна труба. А кругом хохочут на нас.

— Это—говорю—от русской горькой такое ослепление: ни хрена не видно.

— Нет,—говорит дядя,— а он под крышей.

Я глаза протер, говорю:

— Ничего подобного. Под крышей,—говорю—нельзя: Нет дыры. А это граммофон.

Тут сзади опротестовал меня ученый человек в очках:

— Граммофон, говорит, заводят, а этот—нет. Этот,—говорит,—по воздуху голос подает, без всяких струн: самое хорошее изобретение в мировом масштабе...

Дядя ухмыльнулся этак недоверчиво: „понимаю, мол.“

В это самое время Гаврила замолчал, а заиграла музыка.

— Дядя!—закричал тут я.—А ведь это чудеса в решете! Будто сорок человек играют из трубы... Дядя!

Глядь—а Ермил Федотыча и след простыл. Я вступил с ученым в разговор насчет мирового масштаба и все запоминаю. А труба закричала, что, мол, не расходитесь, граждане, через четверть часа снова начнем забаву. Однако, народ повалил прочь, и ученый человек ушел. Я схватился за карман, гляжу—все цело. Обрадовался, сел в дровни, папироску закурил.

Вдруг—из гостиного двора дядя взлягивает во всю прыть, в руках—кнут, во лбу—глаза вытаращенные от ужасу. За дядей человек с метлой, за человеком—милицейский:

— Вор! Вор! Вор!...

Дядя пал на дровни, да:

— Погоняй, Ванька, погоняй!

Стрелой летим, неизвестно, сколько народу посшибали с ног. Однако, все благополучно обошлось. Дядя отдышался на пятнадцатой версте и говорит:

— Ты, дурак, и впрямь не подумай, что я вор. Я залез под крышу в рядах по лесенке да стал Гаврюху кликать, он мне, чорт, пятерку должен. Меня и...

— Это,—говорю,—дядя Ермил, не Гаврюха. Это мировой масштаб.

— Будь он проклят!—заругался дядя.—Я аж кишки взболтал, бежавши от этого масштабу.

А дома, в деревне Кнутиках, стал я мужикам на сходе общедоступную лекцию читать, в тех смыслах, как ученый объяснял, ну известно, в огромадном количестве врал я и божился, а то не верят.

— Вот, говорю, братцы, хошь верь, хошь нет, а такое чудо в городе проведено в мировом масштабе, съума сойдешь, ей-богу. Стоит, значит, зданье, на зданьи крыша, а из под крыши трубка вниз хайлом, ей-богу, с места не сойти, ежели вру. И вдруг, братцы-крестьяне,—из трубки концерт, называется, и разные голоса, знай слушай. И поют, братцы, неизвестно где, может в Ленинграде, может в Париже, либо в Америке, невозможно разобрать, отдает-же по воздуху, с ветерком, значит, в трубку. Также и при тихой погоде. Ежели вру, провалиться мне скрозь земли, чтоб мне сто годов жить, двести на карачках ползать, ей-богу, вот те Христос.

Струн нет, то-есть проволоки, а чрез все изобретение проходит воздух в мировом масштабе. Хошь верь, хошь нет. Ей-богу.

Мужики, дьяволы, не верят, на смех подняли, говорят: „кому другому заливай“. Вот какое неотесанное дурачье. Никто не поверил. А поверил только мой родной дедушка Данило. Поверил и—загрустил в отделку.

ИЗ ЖИЗНИ РЫБ И ЖИВОТНЫХ

На центральной площадке порта находится 46.500 бочек сельдей с... сентября прошлого года.

Рис. А. Радакова

Ассоциация оптовых торговцев в Лондоне объявила полный бойкот советской свинине.

Селедка: **Я ничего не имею против, чтобы меня замариновали, но нельзя же мариновать таким странным способом!**

Свинья: **Думала летом заграницу прокатиться, культуру поглядеть. Да этакие свиньи англичане: не пускают! Боятся конкуренции!**

АМЕРИКАНСКИЙ МАСШТАБ

Старшина присяжных заседателей и один из присяжных в Чикагском суде, воспользовавшись перерывом заседания, с оружием в руках ограбили ломбард и унесли на 300.000 франков добычи. Вернувшись в заседание суда, они участвовали в вынесении оправдательного приговора грабителю. (*Из телеграмм*) *Рис. Б. Антоновского*

Суд идет!

-- Это,—говорит,—колдовство. Последние времена живем. Светопредставленье скоро.

Я стал опровергать. А дедка—плакать. Так прошла целая неделя. Дед хнычет, по ночам богу молится. И домашние встревожились, стали вразумлять его, мол, Ванька врет. Я, вижу—дело плохо, давай тоже утешать: мол, действительно, дедушка Данило, я, грешным делом, был выпивши, наврал. А дед мне из под бровей:

— Врешь, что врешь. Правда. Сны вижу. Желаю в город, удостовериться. Вези.

Нечего делать, поехали мы с дедом в город. Захожу прямо в газетину, объясняю все на свете: „старичок, мол, загрустил у у нас, мой родной дедушка, Данило. Ежели, мол, по науке объясненье сделать, ему спокойней будет тогда". В газетине выслушали и направили нас, называется—экскурсия. Повели по разным местам радиоконцерт усматривать и всякое устройство. Я раз от разу все больше и больше удивляюсь. Я очень доволен остался объяснением:

— Вот видишь,—говорю,—дедка: никакого колдовства, одна наука.

Дед взглянул на меня, а глаза у него пустые. Мне сумно сделалось, нехорошо. Однако, пошли мы к самому последнему испытанию: на бывшем Невском, возле немецкой церкви трубку слушать, на балкончике висит.

Дед попросился, чтоб на балкон попасть, чтоб удостовериться вполне. Вот пустили его на балкон, через квартиру, дед в трубку заглянул, трубка пустая, даже никаких колёсьев, трубка и трубка, а орет. Мы все, конечно, засмеялись, а дед побелел, как бумага, перекрестился по - ошибке на немецкую церковь, затрясся весь и плюнул. С тем приехали домой. Дед всю дорогу хоть-бы словечко обронил. Впрочем, сказал одно слово: „Сатана".

Я опять на сходе давал объяснение вполне по науке, правильно. Мужики вторично не поверили, а поверили мальчишки. Только не так, как дед, а по другому.

Стали мальчишки проводить по деревне радию.

Например, Митька Катеринин—шестой год парнишке—привязал под крышу самоварную трубу, а к коньку—рогульку. Потом вывел за руку мать, бабушку, двух сестренок—Оленку большую, да Оленку маленькую и велел слушать концерт. А сам убежал в овин и ну орать там разное пенье в воздух, бить в котел и объявлять, что через четверть часа будет новый концерт, чтоб граждане не расходились. Потом прибежал, запыхавшись, из овина, спрашивает:

— Хорош-ли концерт?

Мать с бабушкой засмеялись и сказали:

— Страсть какое пенье было из трубы.

А девченки сказали:

— Мамка врет. Из трубы никакого дыму не было. Труба молчала.

Митька запустил в Оленку большою чуркой, чтоб другой раз слушала правильней. И полез на крышу усовершенствовать.

В таком же порядке проистекали научные работы ребят по всей деревне. Я же, конечно, как будучи в экскурсии, подсмеивался про себя—без электричества ничего не будет—но не оказывал ребятам виду, а всемерно хвалил и восторгался.

С дедом же... Эх, просто неприятно вспоминать! Дед перестал принимать пищу, сделался лицом бел, щеки провалились, все жует-жует пустым ртом, а голова трясется.

Только раз слышу темной ночью, как сквозь сон, шепчет дед:

— Господи, звоссияй раба твоего, Данилу. Тяжко мне, господи, паскудно. Душа скулит. Сатана всем светом завладал.

И покажись тут мне: дверь проскрипела, кто-то в сенцы вышел. Ждал я ждал, когда вернется, встать хотел, да и заснул.

А утром дедушку нашли в овине. На возжах висит.

Так и погиб древний человек из-за науки и по безграмотству даже записки не оставил никакой, как прочие, которые ученые удавленники.

Спи, дед, спокойно под сим крестом, а мы станем проводить по деревням настоящую радию... Мы не боимся сатаны!

Вяч. Шишков

ОБ ИНСТРУМЕНТАХ

В клубе им. тов. Петровского, в поселке „Померки", похищен музыкальный инструмент—пианино (*Из газет*)

Наглеют воры день за днем!
Был некий клуб, а в нем
Семипудовое торчало пианино.
И вор,
Шагая мимоходом,
То пианино спер
Каким-то родом.
Завклуб
Не глуп,—
И так решил: „Не нравится мне энто—
Без музыкального остались инструмента!"

* *

Мораль я извлеку в момент:
Читатель, подивись инструментальной смычке:
Навстречу легонькой отмычке
Пришел громоздкий инструмент.
А ты, завклуб? Твое понятно горе:
Ты сделал все, что мог—
Да не на месте прикрепил замок:
Держал ты настежь дверь, мозги-же—на запоре!

Ив. Кузьм. Прутков

„НЕ ЕДИНЫМ ХЛЕБОМ“...

Рис. Ив. Малютина

С 1-го марта в Ленинграде большинство булочных открыто только до семи часов вечера. *(Из писем)*

Пивная „Семейный Уют“. Тепло, уютно, светло. Играет первоклассный оркестр гармонистов. Открыто до 12 ч. ночи.

(К закрытию булочных в 7 часов.)

ЮРИСТ

— Ваша профессия, гражданин?..
— Юрист.
— С большим стажем?..
— За 7 лет революции—14 последних слов подсудимого...

КУДА КОНЬ С КОПЫТОМ, ТУДА И РАК С КЛЕШНЕЙ

— Послушайте, вот уже год, как вы у меня одолжили золотой. Когда вы отдадите?

— Что? Я царские долги принципиально не плачу.

ВАЗА

Наблюдаются случаи легкого отношения к растратчикам.
(*Из газет*).

Три человека, сидевшие за столом, сурово глядели на управдома Кузькина. Маленькие глазки управдома растерянно ошаривали сердитые лица членов правления, и руки дрожали на коленях.

— Фрукт,—сказал председатель—Ни выпивош, ни картёж, а вот поди-же ты... И куда ты деньги девал?

Кузькин шумно вздохнул.

— Так.... между пальцев,—тихо сказал он, пошевелив рукой, словно хотел показать, как прошли между пальцами деньги.

— Этих субчиков, которые вредный элемент,—стукнул кулаком член правления, загораясь злобой,—которые общественную сумму промежду пальцев трачут, их прямо из тяжелых орудиев расстреливать надо...

Кузькин закрыл глаза: темное жерло громадного орудия встало перед самым носом.

— Нет,—сказал председатель—не станем мы его из тяжелых орудиев, нам убыток... Мы лучше взыскивать с него будем... Пущай полгода за пол-ставки служит.

Дома у самых дверей расстроенная жена пристала с распросами. Не снимая калош, Кузькин прошел в комнату.

— К стенке хотели,—шепнул он—из тяжелых орудиев... После отдумали... Вычитать будут полгода.

— Вот сечас скажет „слава богу",—подумал Кузькин,—но жена не сказала „слава богу".

— Что-ж мы теперь будем делать?—безрадостно сказала жена.

Вечером, чтобы рассеять тяжелый день, Кузькин пошел с женой в кино. Всю дорогу жена дергала его за рукав и повторяла:

— Что мы теперь будем делать?

В фойе, ожидая начала сеанса, Кузькины стояли у беспроигрышной лотереи. Играющих было мало, и выигрывали одни открытки да карманные календари, хотя на полках стояло много заманчивых вещей, даже ваза и самовар.

— Вот-бы нам фруктовую вазу!—вздохнула жена.

— Для чего нам ваза?

Жена подумала и сказала:

— Яблоки будем класть.

И тут-же дернула мужа за рукав.

— Попробуй... Может, ваза...

Кузькин пошарил в кармане и бросил на столик двугривенный.

Лотерейная барышня повертела колесо, пока не выкатился шарик, заглянула в списки и громко объявила:

— Ваза для фрукта!

Публика обернулась. Кузькин смущенно принял вазу и хотел передать жене, но та отказалась.

— Держи сам: твое счастье.

Все глядели на Кузькина и улыбались. Ваза была замечательная, на бронзовой подставке, трехэтажная, с тремя хрустальными тарелочками. У лотереи сейчас-же образовалась толпа, и колесо непрерывно вертелось, оделяя счастливцев открытками. Весь сеанс Кузькин просидел с вазой в руках. На обратном пути жена сказала:

— Ты счастливый, тебе играть надо.

Ночью Кузькину снилось огромное жерло орудия, в котором сидела жена и все спрашивала:

— Что мы теперь будем делать?

Во время обеда жена поставила вазу на стол, заполнив все три этажа ломтями хлеба.

— А ты счастливый,—сказала жена, проливая суп на скатерть—тебе играть надо... Попробуй... Выиграешь, буфет купим... Тогда вазу на буфет поставим...

И как-то случилось, что Кузькин поверил в свое счастье.

— Всамделе,—думал он,—если выиграть...

Деньги за воду и электричество он не отнес, а побрился, надел новые ботинки и пошел в клуб.

Судили Кузькина через две недели. И когда Нарсудья задал вопрос, куда девались общественные суммы, Кузькин растерянно пошевелил рукой.

— Так... между пальцев.

К. Мазовский

ЗА МОРЕМ ТЕЛУШКА

— Одолжи 14 копеек!

— А тебе зачем?

— На трамвай! В свой кооператив поеду—там постное масло на копейку дешевле!

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

Рис. Л. Бродаты

— ...Блестящим представителем этого течения в современной живописи является молодой талантливый Стремуховский... Его краски ярки, линии строго четки, компановка...

— Товарищ руководитель, что-ж вы—на словах, а не покажете полотно этого художника?

— Увы! то-то и дело, что ему не на что купить полотна для работы...

ЗВЕРИНОЕ

Рис. Н. Радлова

За указание медвежьей берлоги будет выдаваться 25 руб. (Из газет.)

Охотник: **Коль ты заместо медведя, так гони 25 рублей, а не то в милицию заявлю...**

Зам. медведя: **Побойся бога! 25 рублей! Нешто можно с меня три шкуры драть?!**

ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

(Отнюдь не басня)

Однажды поп,
Наморщив низкий лоб,
У избача спросил при встрече:
— О, человече!
Сия беседа пусть останется меж нами;
Понять пещуся я в теперешнем одно:
Почто в избе твоей, что день, всегда полно,
И пусто в храме?
Избач ответил без заминки:
— Эх, батя! Нынче ты не нужен стал и стар.
В моей избе, как вечер—так новинки,
А у тебя—один репертуар.
Антрепренер такой пойдет мгновенно к бесу!
Хоть декорации рискни сменить для глаз!
Нельзя-ж смотреть одну и ту-же пьесу
Сто тысяч раз!

* * *

Сколь щука ни стучит хвостом широким по-льду,—
Не в силах крепкий лед и щука проломать.
И мой совет для ВЦУ: хоть раз по Мейерхольду
„Обедню дыбом“ дать.

К. Шелонский

АМБИЦИЯ

— Нет билета? Стыдно, гражданин, ездить на даровщинку!... Хорош гусь!

— Пожалуйста, без оскорблений: зайцем имеете право меня назвать, а за гуся ответите!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Нынче в большой моде английский юморист О. Генри.

Каждый уважающий себя издатель считает приятным долгом предложить читателю перевод этого автора.

А перевод нередко в таком роде:

> ... Этим отчасти объясняется несчастное положение в котором оказался „Сверчок“, Мак Гир, когда **скатившись кубарем из вагона и усевшись на станционной платформе, им овладел приступ сухого мучительного кашля.** (О. Генри, „Душа Техаса“ стр. 92. Изд. „Мысль“.)

Что это за оригинальный приступ, который скатывается кубарем из вагона и садится на станционной платформе?

Не следует-ли издателю обратиться к содействию врача?

ГРАНДИОЗНЫЙ ПОЧЕТ

Кино-театры ломятся от наплыва публики, а мозги киноадминистрации—от потуг изобрести „сильную“ рекламу.

На плакате „Гладиатора“ (Ленинградское кино) внизу, под названием картины „Нападение на Виргинскую почту“, красовалось такое предупреждение:

> **„Нервных просим воздержаться“.**

А вдруг да все нервные (кто теперь не нервен?!) последовали бы совету человеколюбивой администрации и не пошли в кино?! Кто бы наполнил зал?!

Трудно поверить в такую заботливость кино-администрации о больных нервах зрителей!

Кино „Баба-Яга“ объявляет „Грандиозный небывалый в сезоне кино- концерт“, со скромной припиской:

> **Ввиду грандиозности** кино-концерта, контромарки и **почетные билеты** недействительны...

У Бабы-Яги своеобразное представление о почете.

—Куда прешь на грандиозную программу? С почетным билетом осади до следующей недели!

ИЗ МИРА ОБЪЯВЛЕНИЙ

В „Ленинградской Правде“ от 1/III напечатано такое объявление:

> **— Бесплатно возьму мебель на хранение. Звонить 202-02 от 12—1 ч.**

Хорошее объявление. Бескорыстное и конкретное.

Будучи строго - логичным, „Смехач“ предлагает следующее объявление:

> **— За небольшое вознаграждение согласна носить котиковое пальто с рукавами кимоно. Там же бесплатно возьмут два золотых кольца и бриллиантовые серьги...**

Или:

> **— Молодому инт. человеку срочно нужны сто тысяч рублей советскими, пиджачный костюм в талию и 8 рублей до четверга. Предварительная запись по телефону 500-00.**

Очень хорошие объявления. Солидные и спокойные: Никто не придет.

РЕКОРД ГРАМОТНОСТИ И БЫСТРОТЫ

В „Московской Правде“ прочли мы с удовольствием нижеследующее объявление:

> **Неграмотных готовит в 5—7 мес. за рабфак и за вуз имя рек** (автор книги „Сочетательный диалог“). Глинишевский пер. д. № кв №.

Жаль, что неграмотные, по причине своей неграмотности, объявления не прочтут и в „Сочетательный Диалог“ с „имя реком“ не вступят. Впрочем, очевидно, и автор, по неграмотности, к занятиям „За Вуз“ не способен.

Эх, имя рек! Почему вы не интересуетесь за чистоту русского языка?

НЕ С ТОГО КОНЦА

Некий автор в Хабаровском „Рабочем Пути“ занимается вопросом о вреде танцулек с медицинской и художественной точки зрения:

> ПОЛЕЗНЫ ЛИ ТАНЦУЛЬКИ
>
> (Ст. Чесноковская, Усс. ж. д.)
>
> Жаль, что в некоторых рабочих клубах все еще процветают танцульки.
>
> А надо бы их изжить.
>
> Ведь если танцы следуют после пьесы, то впечатление от пьесы сглаживается.
>
> Тучи пыли, подымаемые юбками во время танцев, попадают танцующим в легкие.
>
> При танцах от движения усиливается сердцебиение, делается жарко.
>
> Все это не в пользу, а во вред здоровью.
>
> **Значит—танцы вредны.**

Правильно, товарищ, вредны! Но не потому, что от танцев делается сердцебиение, а потому что *клубная работа* из-за танцулек не вытанцовывается.

А вы с Наркомздравом лезете!

ВУЗОВСКОЕ

— Ну, как? сдал?
— Сдал, брат.
— Гистологию?
— Кой черт! Восемь фунтов в весе.

РЕЗОННО

— Вопрос больной, а продвигается у вас медленно...
— А где же вы видели, чтобы больные двигались быстро?!

ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ!

В статье „Сатира и Красная Армия“ газета „Красная Звезда“ уделила внимание „Смехачу“.

Цитируем:

> „Смехач“ в 5-м номере дал „бытовой“ рисунок: красноармеец на господской кухне рассказывает господской кухарке, что он победил „на новом фронте“, т. е. научился „писать“.
>
> ... Повидимому, „смехачи“ откопали старый рисунок царского солдата с „кухваркой“ и перерядили этого солдата в красноармейца“.

Какими глазами смотрел автор статьи на рисунок, чтобы сделать подобные блестящие выводы?

Вот он, этот „безобразный“ рисунок.

Впрочем,—*какими* именно глазами—об этом читатель узнает дальше.

> Известно-ли „Смехачу“ (продолжает автор), что красноармеец на господских кухнях не высиживает? Что красноармеец не только воин, но и гражданин Советской республики? Что он связан различными шефскими организациями и др.? Зачем понадобилось идею о ликвидации неграмотности оформить на господской кухне?

Батюшки мои, сколько вопросов сразу, и какие грозные!

А ведь и мы, „смехачи“, тоже мастера вопрошать.

А ну-ка!

Известно-ли автору статьи, что у красноармейцев бывают землячки, сестры и подруги сердца, независимо от местопребывания этих последних?

Известно-ли также автору, что кухарка не только кухарка, но и гражданка Советской республики и член профсоюза, с ведома коего она и служит на „господской“ кухне. Кстати, не припомнит-ли автор, что по образному выражению Ильича, — „каждая кухарка должна учиться управлять государством?“

Отчего же автор (если бы он даже не ошибался, утверждая, будто на рисунке изображены кухарка и кухня) считает предосудительным и оскорбительным для красноармейца якшаться с „кухаркой“ и сидеть у нее на кухне? Не думает ли автор, что предоставленная самой себе и своей плите кухарка скорее приобщится к новой жизни?

Где тут логика? И откуда столько злопыхательства по адресу неповинного в злодействе „Смехача“.

Грозная десница автора схватила за шиворот, кстати, и наших коллег, „Крокодила“ и „Красный Перец“.

В начале статьи, автор обронил такое замечание:

> ... У нас почти нет хороших сатирических и юмористических журналов.

И дальше:

> Не зная Красной Армии, не понимая ее, наши юмористы делают две ошибки: 1) или подсюсюкивают и впадают в „гром победы, раздавайся“, 2) или подрывают авторитет Красной Армии.

От такого безотрадного вывода, мы чуть не впали в отчаяние, если-бы... если-бы не одно маленькое, утешительное, обнадеживающее слово: *почти*.

Почти нет хороших журналов. Стало быть, все же есть?

Дайте, дайте же нам скорее такой журнал, чтобы мы могли научиться не „громпобедствовать“ и не подрывать авторитет Красной Армии!

Это слово „почти“ заставило нас напречь весь мозг,—десять сотрудников думали коллективно и, наконец, догадались.

Откровение нужно искать в „Военном Крокодиле“, (журнале издающемся „Кр.Звездой“), его-же ради, повидимому, и сделана оговорка: *„почти“*. Два случайных номера „Военного Крокодила“— перед нами.

Первое открытие: журнал редактирует и в нем пишет фельетоны автор цитируемой выше грозной статьи, А. Маевич.

Теперь читатель знает, какими глазами смотрел автор на „смехачевский“ рисунок.

Прекрасно! С благоговением учеников перед учителем, мы углубились в обозрение и прочтение „Воен. Крокодила“.

Увы, товарищи!

Врачу, исцелися сам! (кстати, эту евангельскую цитату берем из № 3, стр. 7-я „Воен. Крокодила“).

Вот замечательный рисунок („Воен. Кр.“ № 2, стр. 2-я).

— рисунок, из которого мы узнаём, как выглядят красные командиры и красноармейцы, и как отвечает красноармеец командиру.

> — Товарищ Сидоров, с завтрашнего дня вы назначаетесь военкором.
>
> — Рад стараться!

Про такой ответ, конечно, не скажешь словами автора статьи, что он—*„просто перенесен в Красную армию из царской армии“*.

Вот еще более замечательный рисунок („Воен. Крокодил“, № 3, стр. 8):

Дорогие читатели, не подумайте что это „подрыв авторитета Красной Армии“ или подсюсюкивание. Здесь перед вами и не людоеды с Малайских островов. Нет! Это—

политрук читает, а красноармейцы слушают

Покорнейшая просьба: если имеете детей, не показывайте им таких страшилищ на-ночь.

Можно бы привести и еще ряд любопытных иллюстраций, но перейдем к тексту.

Фельетон:

> — Каптер!—сказал один красноармеец.
>
> — Сволочь!—ответил другой и сплюнул на пол.
>
> И т. д. (№ 3, стр. 3)

Так как „сволочь“ упоминается еще несколько раз до конца малюсенького фельетона, нигде не встречая себе нравоучительного порицания, то, повидимому, такой способ разговора считается естественным.

А между тем, автор статьи, обрушившись на „Крокодила“ (не военного, а штатского) пишет не без иронии:

> „А вот „Крокодил“ популяризует Красную Армию:
>
> Трое субъектов в красноармейской форме, а один из них дежурный по части, при шашке—занимаются таким словоизвержением: „Вы что же, мать вашу, матом тут ругаетесь? Забыли, мать-перемать, постановление, чтобы не ругаться, мать размать“.

Мы думаем, что „сволочь“, как „популяризатор“, не многим уступает „мать-перемати“.

И думаем мы тоже, что не все в армии ругаются по-французски.

По адресу других журналов, автор статьи горделиво заявляет:

> „Они слабо отличают Красную армию от царской, а различают только внешнюю перемену кокарды на красную звезду“.

А сам он, своею рукой, в своем фельетоне „Бузаевский“ (№ 2, стр. 7) пишет следующее: *Дневальный выронил винтовку* и заорал: „Пожар, горим, караул!“

Попробовал бы закоренелый злодей „Смехач“ написать эдакое „безобразие“, что вдруг *дневальный выронил винтовку*—досталось бы ему на орехи:

> — Известно ли „Смехачу“, что красноармеец крепко держит и не роняет винтовку? Зачем понадобилось „Смехачу“ откопать солдата старой армии и перерядить в красноармейца? и т. д., и т. д.

Воинственный пыл хорош, не спорим. Но не вредно попутно возвращаться памятью к крыловской басне:

> Чем кумушек считать трудиться,
> Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться!

Роль зеркала прекрасно исполнит собственный журнал „Воен. Крокодил“.

„Дискуссию“ по этому вопросу считаем законченной.

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит № 6687. Типография „Инвалид Печатник“ Ленинград, Улица Войнова, 26. Тираж 60.000 экз.

ОНА

Рис. В. Козлинского

Тьму сластолюбцев низколобых,
От жен и будничных забот,
На перекрестки и в трущобы
К ней похоть мутная влечет.
И вот,—за мрак судьбы проклятой,
Позор, болезни, боль обид,
За плату крови,—страшной платой
Она, поруганная, мстит...

Д. Ц.